

РОКСИ

Мужики, пока заняты тем, ради чего пришли, запирают Рокси в чулан. Но они кое-чего не знают: в чулане Рокси не впервые. Когда Рокси безобразит, ее там запирает мама. Ненадолго. Пока Рокси не возьмет себя в руки. Рокси часами сидела в этом чулане и постепенно расшатывала замок — ковыряла винтики ногтем или скрепкой. В любой момент могла снять. Но не снимала, а то бы мама навесила задвижку снаружи. Рокси в темноте довольно знать, что можно выйти, если сильно охота. Знание ничем не хуже свободы.

И поэтому они думают, что надежно ее заперли. А она все равно выходит. И видит.

Мужики приходят полдесятого вечера. Рокси должна была ночевать у кузин — договорились заранее, за много недель, но Рокси огрызнулась на маму, потому что мама купила ей не те колготки в “Праймарке”, и мама сказала: “Никуда не пойдешь, сидишь дома”. Да Рокси нафиг не сдались эти кузины занюханые.

Мужики выбивают дверь, видят Рокси, которая сидит с мамой на диване и дуется, и один говорит:

— Епта, девчонка дома.

Их двое — один повыше, с крысиной мордой, другой помельче и с квадратным подбородком. Рокси их не знает.

Мелкий хватает маму за горло, длинный гоняется за Рокси по кухне. Рокси уже почти ныряет в заднюю дверь, но тут он ловит ее за ляжку; она падает вперед, и он сгребает ее за талию. Она брыкается и орет:

— Пусти, отъебись!

А когда он прихлопывает ей рот ладонью, она кусается так, что на языке кровь. Мужик ругается, но рук не разжимает. Тащит Рокси через гостиную. Мелкий притискивает маму к камину. И тогда Рокси чувствует, как оно нарастает внутри, только не знает, что это. В кончиках пальцев звон, большие пальцы покалывает.

Она кричит. Мама заводит:

— Не трожьте мою Рокси, только посмейте, сволочи, вы не въезжаете, во что вляпались, вам отольется, пожалеете, что на свет родились. Да ее отец — Берни Монк, вы совсем уже?

Мелкий смеется:

— Да мы тут, по ходу, как раз с весточкой для ее папаши.

Длинный запихивает Рокси в чулан под лестницей — оглянуться не успела, а вокруг тьма и сладко пахнет пылью от пылесоса. В гостиной кричит мама.

Рокси дышит часто-часто. Страшно, но надо к маме. Ногтем Рокси крутит винтик на замке. Один поворот, другой, третий — и нет винтика. Между металлом и ладонью пробивает искрой. Статическое электричество. Рокси как-то странно. Она очень собранная, словно видит с закрытыми глазами. Нижний винтик — один поворот, другой, третий. Мама твердит:

— Умоляю вас. Умоляю, не надо. Умоляю. Вы что делаете? Она же ребенок. Она еще маленькая, вы что?

Один мужик негромко смеется:

— Ну такой себе ребеночек.

Тут мама визжит — будто скрежещет железо в полетевшем моторе.

Рокси прикидывает, где стоят мужики. Один с мамой. Другой... что-то шуршит слева. У Рокси есть план: выскочить пригнувшись, длинному врезать под колени, упадет — ногой в голову, и тогда две против одного. Если пушки и есть, мужики их не доставали. Рокси драться не впервой. Про нее много чего говорят. И про маму. И про папку.

Раз. Два. Три. Мама опять кричит, Рокси срывает замок и пинает дверь со всей силы.

Повезло. Дверью заехала длинному в спину. Он шатается, валится, Рокси хватает его за правую ногу, задирает ее повыше, и он с размаху грохается на ковер. Что-то трещит — и у длинного кровь носом.

Мелкий вжимает нож маме в шею. Лезвие подмигивает Рокси, смешливо серебрится.

Глаза у мамы расширяются.

— Рокси, беги, — говорит она — шепотом, но как будто прямо у Рокси в голове. — Беги. Беги.

В школе Рокси от драк не бегала. Если бегать, они никогда не заткнутся. “Твоя мамка шалава, а отец — бандюган. Вон Рокси идет — держись за карман”. Надо лупить их, пока не взвоют. Бегать нельзя.

Что-то происходит. Кровь стучит в ушах. Звон растекается — по рукам, на спину, и на плечи, и вдоль ключиц. Говорит ей: ты можешь. Говорит: ты сильная.

Рокси перепрыгивает упавшего мужика — тот стонет и щупает лицо. Схватить маму за руку — и нафиг

отсюда. Надо на улицу, и все. На улице средь бела дня ничего такого быть не может. Отыскать отца — он разберется. Каких-то несколько шагов. Все получится.

Мелкий сильно бьет маму в живот. Та от боли сгибается пополам, падает на колени. Мужик замахивается на Рокси ножом.

Длинный стонет:

— Тони. Не забывайся. Девчонку нельзя.

Мелкий впечатывает ногу длинному в лицо. Раз. Другой. Третий.

— Не. Говори. Мое имя, епта.

Длинный притихает. Лицо у него пузырится кровью. Рокси ясно, что дела ее плохи. Мама кричит:

— Беги! Беги!

Рокси словно тычут булавками по рукам до самых плеч. Будто свет пронзает иголками от хребта до ключиц, от горла до локтей, и запястья тоже, и подушечки пальцев. Рокси мерцает изнутри.

Мелкий тянется к ней одной рукой — в другой нож. Рокси готовится пнуть его или захватить кулаком, но инстинкт говорит другое. Рокси перехватывает его запястье. И что-то *выкручивает* глубоко-глубоко у себя в груди, словно всегда умела. Мужик вырывается — но поздно.

Она держит молнию в длани своей. Повелевает молнии ударить.

Треск, вспышка, и как будто хлопает бумажная лягушка. Запах — немножко как гроза и немножко как жженный волос. Под языком наливается вкус помеланцев. Мелкий уже на полу. Он протяжно, бессловесно кричит. Ладонь у него сжимается, разжимается. От запястья к локтю бежит длинный красный след. Рокси различает его даже под светлой порослью: алый

узор, как папоротник, с листьями и усиками, почками и веточками. У мамы распахнут рот, она смотрит во все глаза, еще роняя слезы.

Рокси тянет ее за локоть, но мама в шоке, тормозит, и губы ее все еще складывают: “Беги! Беги!” Рокси без понятия, что сделала, однако знает: когда дерешься с теми, кто сильнее, и они падают, надо смазываться. Но мама слишком медленная. Не успевает Рокси вздернуть ее на ноги, мелкий говорит:

— Ну нет, куда пошла?

Он опасливо поднимается, хромает, загоразивает дверь. Одна рука мертво повисла, но в другой-то нож. Рокси вспоминает, каково это было — сделать то, что она сделала. Закрывает маму собой.

— Что там у тебя, пупсик? — говорит мужик. Тони. Рокси запомнит имя, скажет отцу. — Батарейка?

— С дороги, — говорит Рокси. — Еще захотел?

Тони на пару шагов пятится. Оглядывает ее руки. Проверяет, нет ли у нее чего за спиной.

— Что, пупсик, — уронила, да?

Рокси вспоминает, каково это. *Выкручиваешь* — и взрыв наружу.

Делает шаг к Тони. Тот не отступает. Еще шаг. Он косится на свою омертвелую руку. Пальцы еще подергиваются. Он качает головой:

— Да нет у тебя нифига.

И машет на Рокси ножом. Она касается тыла его здоровой ладони. И опять *выкручивает*.

И ничего.

Он смеется. Берет нож в зубы. Одной рукой зажимает ей оба запястья.

Рокси пробует снова. Ничего. Тони ставит ее на колени.

— Умоляю, — говорит мама очень тихо. — Прошу вас. Умоляю вас, не надо.

А потом Рокси лупят по затылку — и Рокси нет.

Приходит в себя — а весь мир на боку. Вот камин, как всегда. Деревянная отделка вокруг очага. Деревяшка тычет Рокси в глаз, и башку ломит, и рот втиснут в ковер. На зубах вкус крови. Что-то капает. Рокси закрывает глаза. Открывает и знает, что прошла отнюдь не одна минута. Снаружи на улице тихо. Дом промерз. И на боку. Рокси ощупывает себя. Ноги задраны на стул. Лицо свесилось, вмялось в ковер и камин. Она хочет выпрямиться, но сил нет, поэтому она извивается и роняет ноги на пол. Падать больно, но теперь она хотя бы лежит ровно.

Краткими вспышками возвращается память. Боль, затем источник боли, затем то, что она сделала. Затем мама. Рокси медленно поднимается — и тогда замечает, что руки липкие. И что-то капает. Ковер промок, сваялся, у камина красное пятно широким кругом. Вот и мама — голова запрокинулась на диванном подлокотнике. А у мамы на груди листок, а на листке фломастером нарисована примула.

Рокси четырнадцать. Она одна из самых юных и одна из первых.